

Вокруг колыхалось сплошное человеческое море — люди шли плечом к плечу, едва не задевая друг друга. В храме Цзяньчу народу оказалось даже больше, чем в храме Фэнчун; здешнее оживление ничуть не уступало праздничной суете соседней обители.

Увлеченные людским потоком, Нин Ли и Ян Цинли пересекли просторную площадь и вошли под своды Главного зала Великого Героя. Стоило им поднять головы, как взору предстало величественное изваяние Будды. Это был Шакьямуни, застывший в позе лотоса с жестом проповеди — мудрого толкования Дхармы. По обе стороны от него чинно восседали восемнадцать архатов: кто хмурился в праведном гневе, кто благостно улыбался, кто беззвучно смеялся — живые, непохожие друг на друга лица.

Юноши неторопливо обошли залу, разглядывая одного святого за другим. Покинув Главный зал, они заглянули в обитель Будды-Целителя, затем свернули к павильону обители Сангхарамы. Стены здесь сплошь покрывали росписи — линии текли свободно и плавно, а краски дышали жизнью, поражая тонкостью работы. Но стоило им миновать лики Гуаньинь Отраженной Луны, бодхисаттвы Самантабхадры и двадцати небесных владык, как Нин Ли окончательно заскучал.

— Совсем позабыл... — спохватился Ян Цинли. — Учение Будды пришло в Срединные земли по Великому шелковому пути, а Шачжоу всегда стоял на перекрестке дорог и издавна впитывал эту веру. В твоих краях есть великолепный храм Сяньянь, а уж пещерных фресок там без счета. Здешним росписям, должно быть, далеко до того великолепия?

Нин Ли молча кивнул.

— Ладно, тут и правда нет ничего диковинного, — ничуть не смутился его спутник. — Но я знаю одно место, где скрыто настоящее сокровище.

— И что же это? — полюбопытствовал Нин Ли.

— Идем, сам все увидишь!

На деле же оказалось, что Ян Цинли и сам блуждал в этих краях впервые. Они то и дело сворачивали, петляя по узким извилистым тропинкам, пока окончательно не потеряли счет поворотам.

— Цинли, ты хоть сам понимаешь, куда мы идем? — с сомнением спросил Нин Ли. — Что именно ты хотел мне показать? И главное — найдешь ли ты дорогу?

Они бродили уже битый час. Несмотря на зимнюю стужу, от бесплодных поисков на лбу у Ян Цинли выступила испарина.

— Странно... — пробормотал он под нос. — Мне ведь твердо сказали, что это здесь, в храме Цзяньчу. Неужто я что-то перепутал?

— И где только ты выведал эти слухи? — Нин Ли иронично прищурился. — Как бы нас не обвели вокруг пальца.

— Исключено! — горячо возразил Цинли. — Я расспрашивал почтенного ученого мужа из самой императорской палаты!

Однако выпытать подробности так и не удалось: Ян Цинли упорно держал рот на замке, твердо решив сперва отыскать заветное место.

— Уж не надеешься ли ты отыскать здесь лик милосердной Гуаньинь, дабы она наставила тебя на путь истинный? — поддразнил его Нин Ли.

— Да с чего ты взял! — в шутливой досаде воскликнул Ян Цинли. — Нужна мне ее целебная роса!

Меж тем они забирались в самую глубь монастырских владений. Шум праздной толпы остался позади, тропа вывела их к уединенному заднему двору, где не было ни души. Ходить пешком Нин Ли умел и любил, но метаться без цели, словно слепые котята, ему изрядно надоело. Уж лучше бы они пошли отобедать монастырской постной трапезой — заодно сравнили бы, где кормят вкуснее: здесь или в храме Фэнчун.

Вдруг тишину нарушил ликующий возглас Ян Цинли:

— А-Ли, скорее сюда! Нашел, я его нашел!

Нин Ли нехотя побрел на голос. Завернув за угол, он очутился в крытой галерее, стены которой, как и везде, были расписаны яркими фресками с золотым тиснением.

Небесные девы-апсары, бодхисаттвы, лики просветленных — за сегодняшний день они примелькались настолько, что смотреть на них не было никаких сил. Разморенный скукой, Нин Ли прислонился к круглым лунным воротам и замер, не желая делать ни шагу вперед. Но тут Ян Цинли обернулся и заговорщически улыбнулся:

— Погляди-ка на этого юношу. Никого не напоминает?

На стене был изображен статный юноша в темно-бирюзовом походном платье кочевников-ху. Рукава и подол плотно прилегали к телу, а его прическу украшало белое перо с золотой заколкой. Мастерство неизвестного художника поражало: пускай краски со временем поблекли, а контуры стерлись, сквозь века отчетливо проступал дерзкий, исполненный отваги облик молодого воина.

Нин Ли взгляделся в нарисованное лицо, силясь уловить смутную, едва брезжившую на краю сознания догадку. В мыслях промелькнуло нечто знакомое, но образ оставался расплывчатым, ускользающим.

Ян Цинли довольно сощурился, так и сияя от гордости: его затея удалась, и теперь он безмолвно требовал заслуженной похвалы.

И тут Нин Ли осенило. Его глаза расширились от изумления:

— Это... мой отец?!

— Он самый! — так и покатился со смеху Ян Цинли. — Твой собственный батюшка! Неужели не признал родную кровь?

Нин Ли почувствовал, как к щекам приливает жар смущения.

— Откуда мне знать! — пробормотал он в оправдание. — Я ведь никогда не видел отца безбородым.

Ян Цинли перевел взгляд с величавого, исполненного юношеской стати воина на стене на Нин Ли, мысленно пририсовал к этому точеному лицу окладистую бороду князя Нина и не выдержал — прыснул со смеху.

— Что смешного? — Нин Ли притворно насупился и сердито зыркнул на товарища. — Есть какие-то возражения?

— Ни в коем разе! — замахал руками тот, силясь сдержать улыбку. — Давай лучше на картину смотреть. Здесь ведь запечатлен тот самый день, когда твой отец наголову разбил принца Западного Фаня! О его победе тогда вся Поднебесная толковала.

Сказал — и осекся. Нин Ли слушал его с таким недоумением, словно впервые обо всем этом слышал. Ян Цинли даже опешил: странное дело, разве сын не должен знать о подвигах отца до мельчайших подробностей?

— Помнишь, как в чайном доме нам рассказывали о битве при Дафэйчуань? — спросил Ян Цинли.

Нин Ли, чьи глаза теперь буквально прикипели к фреске, лишь рассеянно закивал.

Ян Цинли понимающе усмехнулся и продолжил:

— Тогда государственный наставник Поло Цзюэхуэй не сдюжил против Владыки Востока, Дунцзюня, и западнофаньское войско несолоно хлебавши убралось восвояси. Но если разобраться, корни их вражды с Великой Юн уходят гораздо глубже — еще на два десятка лет назад, во времена прежней династии. Пока Поло Цзюэхуэй усердно читал сутры на городских площадях, принц Западного Фаня, Посилун, грыз гранит науки здесь, в Цзянье. Их государство тогда только-только крепло и всюду пыталось показать когти, то и дело устраивая провокации. И если Поло Цзюэхуэй лишился своих сил на ступени Отсутствия Заблуждений, то славу Великой Юн тогда ковали совсем другие люди. Их было двое, и один из них — твой отец. Тот Посилун мнил себя великим тактиком и, распаленный спесью, бросил вызов нашим мастерам. Да только в искусстве расстановки сил и в битвах на тактических картах его разнесли в пух и прах. Потерпел сокрушительное поражение и с тех пор о военном деле даже заикаться боялся.

Нин Ли внимал затаив дыхание. О подобных делах минувших дней ему раньше слышать не доводилось.

Заметив, каким живым восторгом загорелись глаза друга, Ян Цинли самодовольно спросил:

— Неужто и правда никогда не слыхал?

— Никогда! — Нин Ли покачал головой. — Отец об этом и словом не обмолвился. Я даже не догадывался, что в юности его держали здесь, в Цзянье, в качестве заложника.

Он привык говорить без утайки, вот и бросил опасное слово «заложник» без малейшего стеснения. Подслушай их кто чужой — хлопот не оберешься, но Ян Цинли лишь вздрогнул от такой прямоты и весело отмахнулся.

— Ну, отправлять наследников удельных князей и знатных родов в столицу — обычное дело. Этот порядок заведен еще со времен основания Великой Юн, так что ничего удивительного тут нет. Раз уж ты теперь здесь, то и твоему отцу в свое время тоже пришлось топтать мостовые Цзянье.

Нин Ли мысленно усмехнулся. С малых лет он рос на преданиях о том, как его отец в четырнадцать лет разгромил Иу и покорил Западный край, но вот о столичной жизни батюшки... во дворце упорно молчали. Более того, сколько бы он в детстве ни донимал домашних советников и наставников просьбами рассказать что-нибудь эдакое, те заговорщически качали головами и никогда не касались этой темы.

Императорская столица Цзянье. Отец...

Раз уж его лик удостоился места на монастырской фреске, в молодые годы он наверняка заставил говорить о себе всю столицу.

Нин Ли завороченно созерцал юное лицо отца. В груди шевельнулось жгучее любопытство: каким он был тогда, в его годы? Неужели уже тогда одним своим видом внушал людям

почтение и трепет? На миг юноша погрузился в зыбкие грезы о прошлом, сиюсь разглядеть за яркими мазками краски живую историю давно минувших дней.

— В тот день заносчивые чужеземцы бросили нам вызов сразу в трех искусствах: в толковании сутр, в ратном деле и в воинском мастерстве, — продолжал рассказ Ян Цинли. — И повсюду сели в лужу.

— Поделом им, — кивнул Нин Ли. — Дикари с Запада коварны и жестоки, давно пора было проучить их как следует, чтобы впредь неповадно было.

— О, этот урок они запомнили накрепко, — усмехнулся его товарищ. — Слишком уж сокрушительным оказался удар.

— Так им и надо, — отрезал А-Ли.

— Тут не поспоришь, — согласился Ян Цинли.

И впрямь, спроси любого прохожего на улицах Великой Юн — сыщется ли хоть один, кто питает симпатию к западным варварам? Так что неприязнь Нин Ли была делом вполне естественным. Те дикие племена из бесплодных пустынь, быть может, и не отличались могуществом, но спеси им было не занимать. И столичный провал поумерил их пыл на долгие годы.

Постижение сутр, стратегия, воинское искусство... В военном мастерстве превзошел всех не кто иной, как отец Нин Ли — тогда еще наследный принц, а ныне грозный князь Нин. А вот за воинскую доблесть отвечал...

— Тот, кто сошелся в поединке с Поло Цзюэхуэем, тебе наверняка известен. Это Ли Гуаньлань, владыка города Байди. По счастливой случайности он тогда тоже гостил в столице. Сразу после той памятной встречи цзяньеские книжники за пару ночей сочинили пьесу под названием «Меч, летящий над небесными волнами». Ты ведь точно о ней слышал?

— «Меч над волнами»? — переспросил Нин Ли.

— Именно, — подтвердил Ян Цинли. — Это название обыгрывает имя владыки Байди.

Нин Ли мысленно сокрушился. Какая неловкость! Он столько времени прожил на землях Куйчжоу, но ни разу не сталкивался с этим произведением.

— Погоди, неужто и правда не знаешь? — изумился Ян Цинли, заметив тень замешательства на лице товарища. — Быть того не может!

— Ну прости, я ведь в столицу только-только приехал! — поспешил оправдаться Нин Ли.

— Тогда ты просто обязан ее послушать! — загорелся Ян Цинли. — На днях непременно свожу тебя в лучшую чайную, там сказители так поют — заслушаешься!

Молодой вождь пещеры расписывал все в таких ярких красках, что можно было подумать, будто он сам коренной столичный житель, а не гость из далеких краев.

Нин Ли невольно покачал головой. Он-то наивно полагал, что никто не любит театральные пьесы сильнее него, но рядом с Ян Цинли он казался сущим младенцем. Сперва этот увлеченный юноша потчевал его историями о Владыке Востока на Дафэйчуань, а теперь уже сулил легенды о великом Ли Гуаньлане.

Впрочем, по всем Девяти областям гремела слава именно о той последней схватке. В эпоху, когда воинский дух ценился превыше всего, предание о дерзких чужеземцах, посмевших посягнуть на величие Великой Юн и павших от руки великого мастера, услаждало слух каждого простолюдина.

Если поначалу Нин Ли скользил по галерее лишь рассеянным взглядом, то теперь повернулся к фрескам с неослабевающим интересом. Прежняя скука улетучилась без следа — юноша принялся жадно разглядывать каждую деталь росписи.

Фрески, переливающиеся яркими красками и золотой крошкой, воссоздавали величественное празднество во всем его былом великолепии. Сотни искусных штрихов оживляли застывшие фигуры: монахи и миряне беседовали, внимали речам или застывали в глубоком созерцании. Лишь сейчас Нин Ли заметил, что повествование на стенах разворачивалось строго в хронологическом порядке.

Там, где он стоял мгновение назад, кипели сборы войска на поле брани, здесь же разыгрывался богословский спор. Напыщенный принц Посилун пытался превзойти в мудрости столичных затворников, но потерпел позорное поражение.

Чужеземного правителя в его причудливом варварском одеянии и с темным, грубым лицом было трудно спутать с кем-то еще. Напротив него, в самом кольце обступивших их свидетелей спора, стоял монах в белоснежном одеянии. Его ладони были смиренно соединены у груди, а склоненная голова и утонченный силуэт дышали неземной чистотой и покоем.

Нин Ли тихо проговорил, затаив дыхание:

— Кажется... эта стена хранит память о каждом мгновении той великой встречи.

— В девятнадцатый год под девизом Юаньси заносчивые посланники Западного Фаня бежали отсюда с позором. Тогдашний император пришел в неописуемый восторг и повелел лучшим

живописцам Поднебесной запечатлеть это торжество на стенах храма Цзяньчу, — раздался за их спинами тихий, размеренный голос. — У тебя зоркий глаз, молодой господин. Перед вами и впрямь знаменитая картина «Весеннее возвращение в храм Цзяньчу».

<http://bllate.org/book/20087/2001857>